

УДК 94(47).072
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-82-93

К вопросу о восприятии Александра I в декабристской среде: император в отражении новонайденных мемуаров и писем С. П. Трубецкого

П. В. Ильин

*Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Приводятся данные, почерпнутые из недавно введенных в научный оборот записок и писем С. П. Трубецкого. Речь идет об отношении дворянской либеральной оппозиции к Александру I. Аутентичные эпохе материалы (письма Трубецкого 1818–1823 гг., адресованные его другу-сослуживцу И. Н. Толстому) и новонайденные мемуары декабриста вносят вклад в представления о том, как относилось либерально настроенное дворянское поколение к реформаторским планам Александра I, правительственным мерам во внешней и внутренней политике, включая попытки решения крестьянского вопроса. Автор приходит к выводу о формировании критической позиции дворян-либералов в отношении политики императора в середине – конце 1810-х гг., вследствие, как они полагали, игнорирования верховной властью дворянских интересов в ходе готовящихся реформ.

Ключевые слова

декабристы, С. П. Трубецкой, Александр I, внутренняя политика, экономическая политика, хозяйственные интересы дворянства, крестьянский вопрос, дворянский либерализм, эпистолярные источники, мемуары

Для цитирования

Ильин П. В. К вопросу о восприятии Александра I в декабристской среде: император в отражении новонайденных мемуаров и писем С. П. Трубецкого // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 82–93. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-82-93

On the Perception of Alexander I among the Decembrists: The Emperor in Newly Found Memoirs and Letters of S. P. Trubetskoy

P. V. Ilyin

*St. Petersburg Institute of History RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the information shedding light on the attitude of representatives of the young generation of liberal-minded nobles to the personality of Alexander I, his internal and foreign policies, rumors and reports about his intentions and views. These data are drawn from sources of personal origin recently discovered and published with comments for general public access – previously unknown memoirs and letters of the Decembrist S. P. Trubetskoy, addressed to his comrade, later Senator I. N. Tolstoy. The noble liberal opposition that arose after the end of the Napoleonic wars, as new sources confirm, had a contradictory attitude towards Alexander I. On the one hand, the “liberalists” defended the need for major changes, including the abolition of serfdom and the constitution building, on the other hand, they were dissatisfied with the fact that, in their opinion, interests of nobility (first and foremost economic ones) were ignored by the authorities when designing reforms. Authentic materials of the epoch, such as the newly

© П. В. Ильин, 2021

found letters of S. P. Trubetskoy, allow us to come to the conclusion about the ambivalent attitude of the Decembrists to the reform projects of Alexander I and the great expectations placed on the Tsar by the “liberalists”. However, at the same time the sources demonstrate the growing skepticism about internal politics, fear of ill-conceived and inconsistent with the needs of the nobility transformations, such as the forced abolition of serfdom without taking into account the economic interests of nobility.

Keywords

Decembrists, S. P. Trubetskoy, Alexander I, internal politics, economic policy, economic interests of the nobility, emancipation of the peasants, noble liberalism, epistolary sources, memoirs

For citation

Ilyin P. V. On the Perception of Alexander I among the Decembrists: The Emperor in Newly Found Memoirs and Letters of S. P. Trubetskoy. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 1: History, p. 82–93. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-82-93

Сергей Петрович Трубецкой – знаковая фигура в декабристском движении. Один из основателей и руководителей тайных обществ, игравший значительную роль на протяжении всей их истории, автор уставных и программных документов декабристских организаций, он оставил весьма значительное мемуарное и эпистолярное наследие. Помимо хорошо известных в историографической традиции незаконченных «Записок», других мемуарных текстов, дневниковых записей и большого комплекса сибирских писем, составивших содержание двух томов документальной серии «Полярная звезда» (Трубецкой, 1983а; 1987), в 2001 г. был обнаружен и в 2007 г. введен в научный оборот отдельный мемуарный очерк (Трубецкой, 2007. С. 207–256). В 2011 г. этот текст вошел в состав научной публикации неизвестного ранее письменного наследия декабриста (Трубецкой, 2011а).

Новонайденный мемуарный источник представляет собой полностью завершённый текст воспоминаний декабриста об эпохе Александра I и истории тайных обществ. Этот мемуарный текст более краток и лаконичен по сравнению с ранее известными «Записками» Трубецкого, но содержит множество редакционных отличий и несколько фрагментов, которые отсутствуют или иначе изложены в известных ранее воспоминаниях. Как установил публикатор документа, данный мемуарный текст появился в Сибири не ранее 1849 г. и предназначался, по всей видимости, для близкого друга молодых лет Трубецкого, избежавшего участи осужденных декабристов (Трубецкой, 2011а. С. 88–92) [Ильин, 2011. С. 32–36]. Обзор содержательных отличий вновь открытого мемуарного источника от известных воспоминаний Трубецкого был опубликован в 2003 г. [Ильин, 2003], свидетельства нового мемуарного источника, касающиеся истории декабризма, общественного движения александровского царствования в целом и правительственной политики 1810–1820-х гг. проанализированы нами в ряде статей [Ильин, 2003; 2009; 2011; 2013]. Обобщенные сведения о новонайденных мемуарах вышли в свет в 2019 г. [Ильин, 2019].

Кроме того, в 2011 г. вместе с ранее не известным текстом воспоминаний впервые увидел свет и не публиковавшийся прежде комплекс писем Трубецкого. Они были адресованы Ивану Николаевичу Толстому – младшему брату известного в пушкинскую эпоху литератора и также участника декабристских обществ Якова Николаевича Толстого¹. В 1810-е гг. Иван Толстой – офицер лейб-гвардии Семеновского полка, сослуживец и друг Трубецкого. Впоследствии, в 1843–1844 гг., И. Н. Толстой, ставший к тому времени сенатором, посетил Восточную Сибирь с ревизией и встретился со ссыльным другом молодости в период его сибирского поселения (Иркутская губерния) [Ильин, 2011. С. 35–37].

Следует сказать несколько слов об этом эпистолярном комплексе. Письма Трубецкого, адресованные Ивану Толстому, долгое время хранились в составе обширного собрания известного коллекционера исторических рукописей П. Я. Дашкова, как часть бумаг тверской ветви рода Толстых, в массивных переплетенных томах. Вместе с этим собранием они по-

¹ См. о нем монографическое исследование и последнюю по времени обобщающую статью в справочном энциклопедическом издании [Черкасов, 2008; 2019].

ступили в архив Института русской литературы РАН (Пушкинский дом). В советское время эти бумаги были выделены в особый архив Толстых и ныне образуют фонд 576 Рукописного отдела ИРЛИ (Трубецкой, 2011б. С. 266–267) [Андреева, Ильин, 2011. С. 168]. Письма охватывают период с 1 октября 1818 г. по 7 августа 1823 г. Всего сохранились 58 писем и одна особая записка, приложенная к одному из писем (все документы – автографы С. П. Трубецкого) (Трубецкой, 2011б. С. 267). Письма Трубецкого к Ивану Толстому представляют собой редкий по своей ценности эпистолярный материал, оставленный видным деятелем тайных обществ, поскольку они относятся к периоду активной общественной и политической деятельности участников декабристского движения. Сохранилось крайне мало источников личного происхождения такого рода, что связано с уничтожением писем и других документов в обстановке арестов членов тайных обществ в 1825–1826 гг. Письма Трубецкого И. Н. Толстому – один из немногих дошедших до нас источников, проливающих свет на взгляды этого декабриста в период его участия в общественном движении в царствование Александра I.

Как в известных «Записках», так и во вновь найденном мемуарном очерке С. П. Трубецкой уделяет большое внимание личности императора Александра I, принятым им решениям, его речам и заявлениям. Более того, мемуарист выстраивает картину событий таким образом, что складывается впечатление: именно политические шаги, действия и намерения императора, его реформаторские устремления способствовали появлению и последующей эволюции оппозиционного политического движения. Трубецкой передает разного рода слухи и рассказы о планах императора, задуманных им проектах, реформаторских замыслах, выступлениях, сообщает об отношении к императору, сложившемся, в первую очередь, в близкой ему общественной среде. Разумеется, в данном случае перед нами поздние оценки, не раз обдуманные в годы сибирской ссылки и отражающие позицию декабриста 1840-х – середины 1850-х гг. Тем не менее они также представляют определенную ценность как свидетельство непосредственного очевидца и современника событий александровского царствования.

Что добавляют к уже известным нам по ранее опубликованным «Запискам» оценкам и наблюдениям Трубецкого, касающимся правительственной политики и лично императора Александра I, те указания, что содержатся в тексте новонайденного декабристского мемуара?

Прежде всего следует отметить восторженное или по крайней мере безусловно положительное восприятие Александра I русским обществом, в том числе его передовой частью, желавшей социальных и политических изменений, в первые годы после окончания наполеоновских войн. Этому способствовали следующие обстоятельства и действия императора: освобождение европейских стран от владычества Наполеона, согласие Александра I на установление конституционного строя во Франции, данное им обещание устройства «внутреннего благоденствия» России после завершения военных походов, не раз высказанное им убеждение «в превосходстве представительного правления над самодержавным», дарование конституции Польше и обещание распространить конституционный строй и представительные органы власти на все территории, вверенные его управлению (Трубецкой, 2011а. С. 51; 1983в. С. 291). Вера в искренность желаний Александра I «устроить благо России», поддержка этих планов вызвали к жизни тайное общество «молодых людей», желавших способствовать лучшим намерениям верховной власти, задуманным ею реформам, и распространять мнение о пользе грядущих преобразований (Трубецкой, 2011а. С. 51–52). Особое внимание было приковано к двум реформаторским проектам, к реализации которых царь уже приступил: освобождению крестьян, начатому отменой крепостного права в Прибалтийских губерниях, и созданию военных поселений (Трубецкой, 2011а. С. 52).

Вместе с тем образ Александра I для молодого поколения реформаторски настроенных дворян уже практически сразу после завершения заграничных подходов русской армии не был только положительным, избавленным от внутренних противоречий. Обращает на себя внимание постепенно растущая критика действий императора, в том числе по обоим указанным преобразовательным проектам.

Так, в отношении военных поселений критику вызвали методы введения нового социального института и способы подавления восставших поселян в 1817 г. Трубецкой пишет в своем мемуарном очерке о принятых крайне жестоких мерах к подавлению восставших, отвергавших новые условия жизни солдат-поселенцев. По его мнению, эти карательные меры бросили тень на Александра I: «Трудно было поверить, чтоб ему неизвестными оставались варварские действия» А. А. Аракчеева и И. О. Витта, ставшие «предметами всеобщего омерзения» в русском обществе, и это обстоятельство создавало «невыгодное мнение о <...> сердце и нраве» государя, а «...имя самого императора не осталось без нареkania» (Трубецкой, 2011а. С. 54).

Что касается крестьянского вопроса, то хотя в целом представители либеральных, реформаторски настроенных кругов в русском обществе продолжали верить в искреннее желание императора дать свободу крестьянам, одновременно некоторые из них полагали, что от дворянства Александр I хотел лишь «повиновения своей воле», но не содействия и поддержки (Трубецкой, 2011а. С. 54). Доказательство этому мемуарист видел как в отрицательном отношении императора к поднесенному ему в 1816 г. «адресу» группы влиятельных дворян, ходатайствовавших об освобождении своих крепостных², так и в резком неприятии Александром I «нескромных действий» дворян Виленской губернии, которые поторопились поздравить своих крестьян с будущим освобождением (Трубецкой, 2011а. С. 54–55). Наконец, Трубецкой специально приводит данные о негативной реакции царя на записку аболиционистского характера, составленную и распространенную учредителем первых тайных обществ А. Н. Муравьевым в 1818 г.: «Дурак, не в свое дело вмешался!» (Трубецкой, 2011а. С. 56). Такого рода решения и высказывания Александра I, как отмечает мемуарист, вызывали сильное разочарование, так как они «не соответствовали той любви к народу и тому желанию устроить его благосостояние», которые в нем предполагали, в том числе, участники декабристского движения (Трубецкой, 2011а. С. 56).

Постепенно возникало и укреплялось мнение о том, что император, даже задумывая необходимые с точки зрения настроенной на реформы части общества перемены, «ищет более своей личной славы, нежели блага подданных», и эти сомнения «вкрались уже в сердца» членов тайных обществ, вызывая в них сильное разочарование (Трубецкой, 2011а. С. 56). Важно отметить, что хронологически это относится к периоду 1817–1818 гг., т. е. к первым годам существования декабристских союзов. Здесь же мемуарист упоминает разговор Александра I с председателем Государственного совета и Комитета министров П. В. Лопухиным, который стал исходной точкой для известного в истории декабризма «Московского заговора» 1817 г. [Мироненко, 1989. С. 85–92; 1990; Артамонов, 2006].

К последним годам царствования намерения и проекты Александра I лишились доверия реформаторски настроенной части русского общества, но двойственность восприятия все же сохранялась вплоть до конца его царствования. Трубецкой отмечает: «блеск славы» победителя Наполеона «не преставал озарять царя <...> до конца его жизни». Мемуарист подчеркивает: «...при всех своих недостатках он почитался несравненно лучшим всех своих братьев», и, несмотря на все испытанные русским обществом разочарования, к императору все же «...обращались общие взоры, как к лучшему, просвещеннейшему и могущественнейшему из тогдашних владетелей Европы» (Трубецкой, 2011а. С. 66; 1983б. С. 231). Но как в Европе, так и в России, как во внешней, так и во внутренней политике он не оправдал возлагавшихся на него надежд – не исполнил данных им обещаний.

² Речь идет об эпизоде, получившем противоречивое освещение в историографии крестьянского вопроса, – подписке крупных государственных деятелей и представителей главным образом петербургского дворянства под адресом императору, в котором было выражено согласие на освобождение принадлежавших им крепостных. В научной литературе некоторые из авторов подвергали сомнению реальность подписки 1816 г. [Семевский, 1888. С. 435–436; 1909. С. 393; Мироненко, 1989. С. 81–83], ср. наш комментарий к недавно изданному «Запискам» (Трубецкой, 2011а. С. 102–103).

А надежды, по крайней мере в отношении внутренней политики и объявленных официально преобразовательных проектов Александра I, были очень велики, так как основывались на распространившемся мнении о «добродетелях и могуществе его» (Трубецкой, 2011а. С. 66). И тем больше было разочарование, охватившее многих из тех, кто ранее возлагал надежды. Во-первых, оказалось, что император «слишком привязан к принципу самодержавия»; во-вторых, многим представителям русского общества (в которых угадываются деятели тайных обществ, включая Трубецкого) казалось, что государь, «удовлетворяясь приобретенною славою, не довольно радеет о благе общественном» («словом сказать, обленился», – пишет мемуарист). Наконец, в-третьих, о чем Трубецкой счел возможным упомянуть в позднем тексте своих «Записок», Александр I «подвергся обвинению в чувстве презрения к народу», в «деспотизме» (преследовании. – П. И.) «против многих лиц» за те же «идеи совершенствования, которые сам прежде старался распространить» (Трубецкой, 2011а. С. 66; 1983б. С. 232).

Такова парадигма сложного и неоднозначного отношения к Александру I со стороны либерально-реформаторски настроенных кругов российского дворянского общества, представленная Трубецким в прежде не издававшихся мемуарах. В целом он излагает ту же точку зрения, что отражена в известных «Записках», но текст новонайденного мемуара содержит некоторые более четкие и лаконичные инвективы оценочного характера.

В чем же была суть претензий представителей «декабристской среды» к Александру I в крестьянском вопросе? Ведь, согласно утверждению мемуариста, государь был готов осуществить немедленное освобождение помещичьих крестьян (как подчеркивает Трубецкой, имел решительное намерение «дать свободу крестьянам» (Трубецкой, 2011а. С. 56)), что совпадало с желаниями аболиционистски настроенного слоя внутри молодого дворянского поколения.

Трубецкой несколько раз пишет об этом, поэтому нельзя не прийти к заключению, на котором не слишком останавливалось внимание советской декабристоведческой историографии. Как следует из оценок, содержащихся в мемуарах Трубецкого, дворянские либералы 1810-х гг. (в том числе традиционно именуемые «декабристами») были недовольны тем, что император, судя по высказываемым намерениям, в ходе решения вопроса о крепостных крестьянах не был расположен учесть интересы дворянства, прежде всего экономические. Именно в несогласованности планируемых шагов в этом направлении с хозяйственными интересами дворянства, в отсутствии у императора желания выслушать мнение дворян, учесть их пожелания и опасения крылись базовые причины недовольства позицией Александра I в крестьянском вопросе. Дворянство включало в себя не только консервативные, но и прогрессивные силы, желавшие быть союзником государю в его преобразовательной деятельности и уже открыто заявлявшие о себе. Но, по мнению Трубецкого, Александр I не собирался обсуждать содержание реформы с представителями дворянского сословия, каких бы взглядов они ни придерживались, чтобы согласовать основные положения крестьянской реформы.

В тексте обнаруженных мемуаров Трубецкой, пожалуй, наиболее выразительно обрисовал эту ситуацию, как она ему виделась: «Жестокости, допущенные в начатых [военных] поселениях, и несогласие Государя дозволить содействие дворянства в деле такой важности, которое должно было совершенно изменить положение дворян, какова есть свобода крестьян, составляющая по существующим узаконениям достояние и главное имущество дворянства, на котором все его права основаны – казались очень странными. [Тайное] Общество видело, что действия государя не соответствовали той любви к народу и тому желанию устроить его благосостояние, которое оно в нем предполагало...» (Трубецкой, 2011а. С. 56).

В этом контексте приведенное выше утверждение Трубецкого о том, что император «ищет более своей личной славы», нежели пользы для общества, приобретает значительно большую ясность. Эти слова относятся к тому, что царь намеревался, по мнению различных

кругов дворянства, провести коренные реформы «в одиночку», без учета интересов различных сословий, в первую очередь дворян.

В этой связи более понятной становится и другая фраза Трубецкого – об угрозе народных возмущений, которые могут охватить Россию в связи с задуманным Александром I освобождением крестьян: «...мысль о том, каким ужасам безначалия может подвергнуться Россия от такого поступка, так сильно поразила одного из членов, что он выразил готовность (если б Государь оказал себя таким врагом Отечества) принести его в жертву, не щадя собственной жизни» (Трубецкой, 2011а. С. 56). Угроза ускоренной отмены крепостной зависимости, без учета экономического положения и прав собственности дворянства, сопутствующих такой отмене крестьянских восстаний в ходе неминуемо возникающих конфликтов с помещиками, убедила членов первых тайных обществ в том, что они обмануты в первоначальных надеждах, которые они возлагали на Александра I. Это привело, как отмечает мемуарист, к событиям известного в литературе «Московского заговора» 1817 г.

Трубецкой не раз поднимает эту тему в своих мемуарных текстах. По его мнению, в умах закрепощенного населения одни лишь «...слухи о желании государя дать свободу крестьянам должны были представить помещиков как единственное препятствие к получению ее» (Трубецкой, 1983в. С. 292). А это, в свою очередь, вело к крестьянским выступлениям против помещиков. Дворянство, не исключая либерально настроенную часть, испытывало страх перед опасными для него социальными последствиями масштабной, одномоментно проведенной реформы, не согласованной с его хозяйственными интересами. От всех этапов проведения реформы дворяне были бы фактически отстранены.

С точки зрения дворянского «либералиста» 1810-х гг., каким был Трубецкой, решение крестьянского вопроса было тесно увязано с общей проблемой преобразования самодержавного правления, введением нового гражданского и правового строя, гарантий прав собственности, с мерами по обеспечению экономических интересов дворянства. Поэтому освобождение крепостных – это для него вопрос, требующий длительной подготовки и выработки условий, реформаторские шаги должны быть взвешенными, постепенными и компромиссными, согласованными с соблюдением имущественных прав помещика. Умеренность политического идеала и программы реформаторских шагов дворянского «либералиста» 1810-х гг. здесь проявляется вполне отчетливо.

В тексте ранее известных «Записок» Трубецкой прямо формулировал устраивавший его сценарий решения крестьянского вопроса. Выступая против дворянского консерватизма, резко критикуя апологетов крепостничества, он писал: «...гораздо полезнее помещикам самим освободить их (крестьян. – П. И.), потому что тогда они могут заключать с ними выгодные для себя условия...» (Трубецкой, 1983б. С. 220). В противном случае, как рассуждал мемуарист, при сохранении традиционных форм закрепощения можно было ожидать возмущений крестьян, которые грозили ужасами народных бунтов и распадом государства.

Таким образом, судя по тому, как описывает ситуацию в своих воспоминаниях Трубецкой, участники декабристских обществ в этом отношении не представляли исключения в среде тех, кто был недоволен реформаторскими проектами Александра I. Для «либералистов», желавших освобождения крепостных, крестьянская реформа, проведенная без участия дворянства, без учета его интересов и обсуждения ее основных принципов хотя бы с теми, кто согласен освободить своих крестьян, таила в себе неминуемый социальный конфликт, в том числе угрозу антидворянских выступлений. Избранная, по их мнению, императором тактика не приближала общественное благоденствие, а отдаляла его, ибо реформа, предоставляя свободу крестьянам, не соблюдала интересы другой стороны – дворянства, и, таким образом, по мнению представителей декабристской среды, не преследовала цели «общего блага». Так, по крайней мере спустя годы, виделось положение дел Трубецкому.

Ретроспективные тексты, как известно, обладая значительной ценностью для анализа взглядов их авторов на события прошлого, лишь в определенной степени передают взгляды и оценки, которые были свойственны мемуаристам непосредственно в то историческое вре-

мя, которое он описывает в своих воспоминаниях. В отличие от ретроспективных источников, эпистолярный материал обладает большим информационным значением как свидетельство, непосредственно передающее образ мыслей их автора, современный эпохе. Не являются здесь исключением и недавно обнаруженные письма Трубецкого Ивану Толстому. Подтвердит ли содержание этих писем ту парадигму противоречивого отношения декабристов к Александру I, его политике и планам реформ, которая была изложена Трубецким в его воспоминаниях?

Прежде всего следует отметить откровенный характер писем Трубецкого к его полковому товарищу и другу. В них обсуждались бытовые, хозяйственные, финансовые вопросы, светские петербургские новости. Общественно-политические сюжеты занимают в переписке скромное место. В целом хотя Александр I (называемый Трубецким иногда иронически «повелителем») (Трубецкой, 2011б. С. 190; письмо от 12 ноября 1818 г.) упоминается в письмах лишь несколько раз, но каждое такое упоминание заслуживает внимания. По характеру этих указаний усматривается, что за действиями и высказываниями, поездками и планами императора автор писем постоянно внимательно наблюдает. Вплоть до того, что собираются слухи и рассказы, распространявшиеся в петербургском светском обществе.

Так, по разряду, по выражению Трубецкого, «светских вестей» (Трубецкой, 2011б. С. 204; письмо от 25 ноября 1821 г.) проходят сведения о встречах Александра I с чиновниками и придворными, балах и обедах с участием императора, его поездках по России и за границу, о состоявшихся высочайших решениях по производству офицеров в следующий чин. В день полкового праздника лейб-гвардии Преображенского полка 6 августа 1823 г., после полкового парада, на торжественном обеде Трубецкой имел случай быть вместе с императором «за царским столом». Александр I, довольный увиденным, был оживлен и разговорчив (Трубецкой, 2011б. С. 265; письмо от 7 августа 1823 г.). Сообщения такого рода в письмах Трубецкого нейтральны, не содержат никаких дополнительных оценок.

Письма Трубецкого, адресованные И. Н. Толстому, – еще один источник, отразивший, сквозь призму восприятия их автора, подъем патриотических настроений в русском обществе во время и после Отечественной войны 1812 г. Помимо прочего, обостренный патриотизм выражался в критическом отношении к иностранцам на русской службе. Это нашло отражение в критике Александра I из-за предпочтений, отдаваемых им по службе иностранцам («немцам»), что ощущается в иронических фразах, высказанных Трубецким в связи с установкой памятников М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли возле Казанского собора в 1818 г. Для последнего, по мнению автора писем, было специально выбрано более важное и почетное место (Трубецкой, 2011б. С. 186–187; письмо от 22 октября 1818 г.).

Наиболее интересна реакция Трубецкого на достигшие петербургского общества слухи и сообщения, касавшиеся решения крестьянского вопроса. Они заключались в том, что на Аахенском конгрессе Священного союза Александр I обещал скорейшее освобождение помещичьих крестьян. В письме от 12 ноября 1818 г. автор пишет своему корреспонденту: «Главнейшая вещь, которую я тебе сим письмом сообщить хотел, есть известие, только что полученное, о видах нашего повелителя – на конгрессе он заговорил о торге негров, и все приступили к нему, что у него в империи такой же точно торг производится, вследствие чего он торжественно обещал дать свободу белым нашим неграм, и потому, оставя мать и жену за границей, он возвратился один для объявления своей воли; как он это сделает, неизвестно, что последует, увидим, на всякий случай должно приготовиться; если вдруг объявит, будет кашу и не расхлебать, разве обманет Европу каким-нибудь указом, но это не может, кажется, иметь успеха; нельзя, чтоб не предвидели чужестранные политики, что сие должно сделать у нас всеобщее потрясение, и чтоб не смотрели пристально на нас в такое время, следовательно, обман удался не может...» (Трубецкой, 2011б. С. 190–191). В этой непосредственной реакции молодого гвардейского офицера, к этому времени одного из первых лиц в декабристском союзе, сочетаются два момента: с одной стороны, поддержка намерений власти изменить положение «белых наших негров», с другой – недоверие к избранному Алексан-

дром I способу решения вопроса об освобождении помещичьих крестьян. Примечательны в данном случае как само убеждение Трубецкого в реальности реформаторских заявлений императора, так и выраженные им характерные дворянские страхи и опасения в отношении несогласованных с интересами помещиков правительственных мер по преобразованию отношений между ними и крестьянами. Как и консервативно настроенные противники всяких перемен, в данном случае прогрессивно настроенный «либералист» Трубецкой страшится «всеобщего потрясения» и опасается ускоренного и непродуманного сценария разрешения проблемы частновладельческих крепостных крестьян («если вдруг объявит, будет кашу и не расхлебать»).

Отметим, что Трубецкой считал чрезвычайно важным как можно быстрее донести до друга-помещика, который жил в это время в своем имении (с. Ельцы, Тверская губерния), это «главнейшее известие». Он советовал Толстому «взять свои предосторожности» в случае ожидаемого при реализации ускоренных и радикальных мер, задуманных, по его мнению, императором, «ужасного бунта»: «Я спешил тебе сие известие сообщить; если оно сбудется, то, мне кажется, не должно тебе быть разлучену с семейством твоим, лучше быть вам всем здесь; какие дальнейшие сведения буду иметь, не упущу тотчас сообщить; <...> в сих случаях чем скорее узнаешь, тем лучше, и потому я поспешил сообщением тебе, чтобы ты мог, никого не утрашась, взять свои предосторожности...» (Трубецкой, 2011б. С. 191; письмо от 12 ноября 1818 г.).

Возможно, будучи уже сам крупным помещиком (вступившим вместе с братьями после смерти отца весной 1817 г. во владение родовыми именьями Нижегородской губернии) и имея корреспондентом владельца крупного поместья Тверской губернии, Трубецкой оценивал негативно для помещичьего хозяйства последствия форсированной государством крестьянской реформы, проведенной без учета дворянских интересов. Уверенный в том, что проведение такой несогласованной реформы «...должно сделать у нас всеобщее потрясение», Трубецкой советовал другу «взять все предосторожности» на случай ожидаемых выступлений крестьян (Трубецкой, 2011б. С. 191; письмо от 12 ноября 1818 г.).

Данное письмо демонстрирует новую волну ожиданий правительственного решения крестьянского вопроса, захватившую декабристскую среду осенью 1818 г., спустя год после событий «Московского заговора» 1817 г. Документ отчетливо показывает склонность либерально настроенных дворян, объединившихся в тайные кружки, к постепенному, нерадикальному способу проведения реформ, соблюдению выгод и интересов дворянства.

Взгляды И. Н. Толстого, не только выступавшего за улучшение положения крестьян, но и проводившего в жизнь такого рода меры в своем имении, отличались большей умеренностью по сравнению с мнением Трубецкого. Они изложены в сохранившемся в делах Следственного комитета одном из ответных писем Толстого, адресованных Трубецкому (от 13 ноября 1821 г.): «...положение крестьян слишком меня трогает. Сколько я мог узнать их свойство и образованность, я нахожу, что время не пришло, чтобы им быть вовсе свободными, как кричат наши либералисты; но они должны быть руководимы попечительным господином, и в его распоряжении найдут они истинное благополучие, пока придет время, когда постепенное образование откроет им путь к свободе...» (Толстой, 2011. С. 353). Любопытна аргументация, к которой прибегает Толстой для обоснования мнения о преждевременности социальных реформ: «Возьмем за два века пред сим состояние нашего отличного в государстве класса: приближенные к царям были управляемы батожьем. Время то сделало, чего бы не произвел никакой насильственный политический оборот» (Толстой, 2011. С. 353). При всем практическом филантропизме Толстого, его стремлении улучшить положение своих крепостных, содействовать их образованию и просвещению, развитию крестьянского хозяйства он считал преждевременной ликвидацию крепостного права как института. Возможно, перед нами отголоски принципиального спора между автором письма и Трубецким, в котором отразилось несогласие умеренно настроенного Толстого с программой практических действий, которой придерживались лидеры декабристской конспирации, склонявшиеся к са-

мостоятельной политической деятельности для достижения своих целей. Напомним, что по имеющимся данным, И. Н. Толстой не был принят в декабристский союз, несмотря на то что состоял в артели либерально мыслящих офицеров лейб-гвардии Семеновского полка и имел тесные отношения с основателями тайных обществ, такими как С. П. Трубецкой и И. Д. Якушкин [Нечкина, 1955. С. 121].

Со своей стороны, Трубецкой, который, как большинство участников движения декабристов, выступал за освобождение крестьян (по его выражению, «вверенных правлению нашему подобных нам человек») от зависимости, в письмах вполне одобрял меры своего друга Толстого, принятые в его имении для улучшения положения крепостных (Трубецкой, 2011б. С. 204; письмо от 25 ноября 1821 г.). Оба корреспондента выступали за необходимость учета дворянских интересов и присутствие дворянской инициативы в деле освобождения помещичьих крестьян.

Весьма иронически характеризует Трубецкой, в этот период бывший одним из руководителей декабристской конспирации, известный рескрипт Александра I от 1 августа 1822 г. о запрете всех тайных обществ и последовавшую затем «подписку», отобранную от всех служащих дворян об их непринадлежности к таковым: «Здесь собирают со всего народа подписки, что не принадлежит к какому тайному обществу, и отречение не принадлежать впредь <...> Ложи все закрыты третьего дня. Указ, говорят, прислан с третьей станции». И далее: «Других глупостей нет, подождать должно» (Трубецкой, 2011б. С. 237; письмо от 14 августа 1822 г.).

Письма Трубецкого 1821–1822 гг. содержат несомненные доказательства того, что в декабристской среде были распространены устойчивые ожидания решительных шагов Александра I в либеральном духе и в области внешней политики. В частности, письма этих лет отражают надежды на то, что император окажет поддержку восстанию греческих патриотов против турецкого гнета. Ожидания такого рода широко распространились в русском обществе в среде «либералистов» (Трубецкой, 2011б. С. 204–205; письмо от 25 ноября 1821 г.; С. 233; письмо от 18 июля 1822 г.).

Подводя итог, следует заключить, что введенный в оборот мемуарный и эпистолярный источниковый материал, принадлежащий С. П. Трубецкому, в целом подтверждает некоторые важнейшие элементы того взгляда на историю царствования Александра I, его внутреннюю и внешнюю политику, который был представлен в известных воспоминаниях. В частности, это касается отношения декабристов к императору Александру I в 1816–1818 гг., сочетавшего, насколько можно судить, одобрение основных целей правительственного реформаторства с критикой и даже полным неприятием конкретных способов, путей и мер реализации реформ (в частности, ликвидации крепостной зависимости) – по крайней мере в том варианте их презентации (распространенные в русском обществе того времени слухи и сведения), который был для них доступен. Новый мемуарный текст Трубецкого и в еще большей степени его письма И. Н. Толстому содержат несколько весьма ценных штрихов и оценок как личности императора Александра I, так и его политических решений и заявлений, дополняющих существующие представления о восприятии декабристами правительственной политики и личности самого императора в период существования декабристских тайных обществ.

Список литературы

- Андреева Т. В., Ильин П. В.** Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 167–182.
- Артамонов Д. С.** Из истории «Московского заговора» 1817 года // Освободительное движение в России. Саратов, 2006. Вып. 21. С. 55–67.
- Ильин П. В.** Новое об истории декабристского движения: по страницам неизвестной рукописи записок С. П. Трубецкого // Отечественная история. 2003. № 6. С. 138–146.

- Ильин П. В.** Новонайденные записки С. П. Трубецкого как источник по истории общественного движения в России 1810-х–1820-х гг. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в: исследования, историография, источниковедение. СПб., 2009. С. 313–327.
- Ильин П. В.** Неизвестные записки С. П. Трубецкого // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 9–50.
- Ильин П. В.** Правительственная политика и общественное движение 1810-х – 1820-х гг. в отражении новонайденных записок и писем С. П. Трубецкого // Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I / Труды ист. фак-та Санкт-Петерб. гос. ун-та. СПб., 2013. Вып. 11. С. 231–240.
- Ильин П. В.** Трубецкой Сергей Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 300–302.
- Мироненко С. В.** Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.
- Мироненко С. В.** «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 85–92.
- Нечкина М. В.** Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 484 с.
- Семевский В. И.** Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII века и первой половине XIX века. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1888. Т. 1. 574 с.
- Семевский В. И.** Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Тип. Первой СПб. Труд. артели, 1909. 710 с.
- Черкасов П. П.** Русский агент во Франции: Я. Н. Толстой. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2008. 453 с.
- Черкасов П. П.** Толстой Яков Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 282–284.

Список источников

- Толстой И. Н.** Письмо С. П. Трубецкому от 13 ноября 1821 г. // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 352–354.
- Трубецкой С. П.** Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983а. Т. 1. 416 с.; 1987. Т. 2. 608 с.
- Трубецкой С. П.** Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983б. Т. 1. С. 217–285.
- Трубецкой С. П.** Прибавление к Запискам // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983в. Т. 1. С. 286–293.
- Трубецкой С. П.** Записки // Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. Т. 1. С. 207–256.
- Трубецкой С. П.** Записки // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011а. С. 51–93.
- Трубецкой С. П.** Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011б. С. 183–269.

References

- Andreeva T. V., Ilyin P. V.** Pis'ma S. P. Trubetskogo I. N. Tolstomu [Letters from S. P. Trubetskoy to I. N. Tolstoy]. In: Trubetskoi S. P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg. [Notes. Letters to I. N. Tolstoy, 1818–1823]. St. Petersburg, 2011, p. 167–182. (in Russ.)
- Artamonov D. S.** Iz istorii “Moskovskogo zagovora” 1817 goda [From the History of the “Moscow Conspiracy” of 1817]. In: Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii [Liberation Movement in Russia]. Saratov, 2006, iss. 21, p. 55–67. (in Russ.)

- Cherkasov P. P.** Russkii agent vo Frantsii: Ya. N. Tolstoi [Russian Agent in France: Ya. N. Tolstoy]. Moscow, Tovariŭhestvo nauchnykh izdaniĭ KMK, 2008, 453 p. (in Russ.)
- Cherkasov P. P.** Tolstoy Yakov Nikolaevich. In: Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiĭ slovar' [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, 2019, vol. 6, p. 282–284. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Novoe ob istorii dekabristskogo dvizheniya: po stranitsam neizvestnoi rukopisi zapisok S. P. Trubetskogo [New about the History of the Decembrists Movement: Through the Pages of an Unknown Manuscript of S. P. Trubetskoy's Notes]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History], 2003, no. 6, p. 138–146. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Novonaidennye zapiski S. P. Trubetskogo kak istochnik po istorii obshchestvennogo dvizheniya v Rossii 1810-kh – 1820-kh gg. [The Newly Found Notes of S. P. Trubetskoy as a Source on the History of Social Movement in Russia in the 1810s – 1820s]. In: *Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii v XIX – nachale XX v: Issledovaniya, istoriografiya, istochnikovedenie* [Power, Society and Reforms in Russia in the 19th – Early 20th Centuries: Research, Historiography, Source Studies]. St. Petersburg, 2009, p. 313–327. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Neizvestnye zapiski S. P. Trubetskogo [Unknown Notes of S. P. Trubetskoy]. In: *Trubetskoi S. P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg.* [Notes. Letters to I. N. Tolstoy, 1818–1823]. St. Petersburg, 2011, p. 9–50. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe dvizhenie 1810-kh – 1820-kh gg. v otrazhenii novonaidennykh zapisok i pisem S. P. Trubetskogo [Government Policy and Social Movement of 1810s – 1820s in the Reflection of Newly Found Notes and Letters of S. P. Trubetskoy]. In: *Vlast', obshchestvo, armiya: ot Pavla I k Aleksandru I* [Power, Society, Army: from Paul I to Alexander I]. St. Petersburg, 2013, iss. 11, p. 231–240. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Trubetskoy Sergei Petrovich. In: Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiĭ slovar' [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, 2019, vol. 6, p. 300–302. (in Russ.)
- Mironenko S. V.** Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and Reforms. Political Struggle in Russia at the Beginning of the 19th Century]. Moscow, Nauka, 1989, 240 p. (in Russ.)
- Mironenko S. V.** “Moskovskii zagovor” 1817 g. i problema formirovaniya dekabristskoi ideologii [“Moscow Conspiracy” of 1817 and the Problem of the Development of the Decembrist Ideology]. In: *Revolutsionery i liberaly Rossii* [Revolutionaries and Liberals of Russia]. Moscow, 1990, p. 85–92. (in Russ.)
- Nechkina M. V.** Dvizhenie dekabristov [The Decembrist Movement]. Moscow, AS USSR Publ., 1955, vol. 1, 484 p. (in Russ.)
- Semevsky V. I.** Krest'yanskii vopros v Rossii vo vtoroi polovine XVIII veka i pervoi polovine XIX veka [The Peasant Issue in Russia in the 2nd Half of the 18th Century and the 1st Half of the 19th Century]. St. Petersburg, Tipografiya Tovariŭhestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1888, vol. 1, 574 p. (in Russ.)
- Semevsky V. I.** Politicheskie i obshchestvennye idei dekabristov [Political and Social Ideas of the Decembrists]. St. Petersburg, Tipografiya Pervoi Sankt-Peterburgskoi Trudovoi arteli, 1909, 710 p. (in Russ.)

List of Sources

- Tolstoy I. N.** Pis'mo S. P. Trubetskomu ot 13 noyabria 1821 g. [Letter to S. P. Trubetskoy Dated November 13, 1821]. In: *Trubetskoy S. P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg.* [Notes. Letters to I. N. Tolstoy, 1818–1823]. St. Petersburg, 2011, p. 352–354. (in Russ.)
- Trubetskoy S. P.** Materialy o zhizni i revoliutsionnoi deyatelnosti [Materials about Life and Revolutionary Activities]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983, vol. 1, 416 p.; 1987, vol. 2, 608 p. (in Russ.)

- Trubetskoy S. P.** Zapiski [Notes]. In: Trubetskoy S. P. Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti [Materials about Life and Revolutionary Activities]. Irkutsk, 1983, vol. 1, p. 217–285 (in Russ.)
- Trubetskoy S. P.** Pribavlenie k zapiskam [Adding to Notes]. In: Trubetskoi S. P. Materialy o zhizni i revoliutsionnoi deiatel'nosti [Materials about Life and Revolutionary Activities]. Irkutsk, 1983, vol. 1, 286–293. (in Russ.)
- Trubetskoy S. P.** Zapiski [Notes]. In: Nikolai I. Lichnost' i epokha. Novye materialy [Nicholas I. Personality and Era. New Materials]. St. Petersburg, 2007, vol. 1, p. 207–256. (in Russ.)
- Trubetskoy S. P.** Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg. [Letters to I. N. Tolstoy, 1818–1823]. In: Trubetskoy S. P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg. [Notes. Letters to I. N. Tolstoy, 1818–1823]. St. Petersburg, 2011, p. 183–269. (in Russ.)
- Trubetskoy S. P.** Zapiski [Notes]. In: Trubetskoy S. P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg. [Notes. Letters to I. N. Tolstoy, 1818–1823]. St. Petersburg, 2011, p. 51–93. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
31.08.2020

Сведения об авторе

Ильин Павел Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
pavilyn1970@gmail.com
ORCID 0000-0001-6058-2186

Information about the Author

Pavel V. Ilyin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Modern History, St. Petersburg Institute of History of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation)
pavilyn1970@gmail.com
ORCID 0000-0001-6058-2186